

Шавлохова Е. С. Межнациональные отношения в России в конце XIX — начале XX веков // Е. С. Шавлохова // Научный диалог. — 2017. — № 9. — С. 214—225. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-9-214-225.

Shavlokhova, E. S. (2017). Interethnic Relations in Russia at the End of the 19th — the Beginning of the 20th Century. *Nauchnyy dialog*, 9: 214-225. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-9-214-225. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 94(47).083/.084:321.74+323.1(470.62/.67)

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-9-214-225

Межнациональные отношения в России в конце XIX — начале XX веков¹

© Шавлохова Елена Сергеевна (2017), доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе, Академия маркетинга и социально-информационных технологий — ИМСИТ (Краснодар, Россия), 520637@mail.ru.

Поднимается вопрос межнациональных отношений конца XIX — начала XX века в России, прежде всего в этнической среде Северного Кавказа. Отмечается, что Россия отличалась от других государств тем, что на присоединенных территориях она не искала сырьевых источников для индустриального развития и рынков сбыта. Показаны меры разрешения конфликтов, которые неизбежно возникали в местах компактного расселения нескольких народов. Актуальность исследования определяется задачей обеспечить надежное и эффективное управление страной, занимающей огромные территории с многонациональным населением. Научная новизна состоит в повышении уровня научно-теоретического осмысления целей, средств и механизмов функционирования российской системы государственного управления национальными регионами. Сформулирована концепция развития российской государственной системы управления малыми народами. Данная концепция базируется на документально подтвержденной гипотезе о том, что функционирование средств и механизмов влияния на положение дел на окраинных территориях государства постепенно трансформировалось в политику укрепления позиций власти в национальных регионах. Автор полагает, что важно показать действительное положение дел в сфере межнациональных отношений на Северном Кавказе в данный период.

Ключевые слова: этническая палитра; межнациональные отношения; Россия; Северный Кавказ; национальный состав.

1 Издание статьи осуществлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Присоединение Осетии к России как процесс интеграции народов Северного Кавказа в административно-правовую систему России» (конец XVIII — начало XIX вв.), проект № 16-11-23014.

1. К вопросу об отношениях между государством и этническими меньшинствами

Этнический состав России не имеет аналогов в других государствах мира, и не только потому, что она формировалась в процессе сложного и противоречивого исторического развития, но и в силу повышенной динамичности всей социальной и демографической структуры государства, отличавшейся способностью к саморегуляции и традиционной предрасположенностью к интеграции различных народов и групп населения.

В настоящее время поднимается вопрос межнациональных отношений, рассматриваемый через призму конфликтов, возникающих в современном обществе. В работе В. И. Котова анализируются межнациональные отношения на Северном Кавказе в 20—30-е годы. При этом автор выделяет «проблему взаимоотношений между местными народами, которые далеко не всегда были безоблачными» [Котов, 2002, с. 210—239]. С учетом сложной общественно-политической обстановки в настоящее время значительно усилилось стремление исследовать возможные пути преодоления кризиса, в котором переплелись социальные, экономические, национальные события, столкнулись позиции различных политических сил. Об этом свидетельствуют работы Л. Г. Захаровой, В. В. Дегоева [Дегоев, 2004; Захарова, 2001]. Попытки разобраться в исторических истоках сохранения напряженности в сфере межнациональных отношений на основе анализа российской политики на Северном Кавказе были предприняты Г. Н. Малаховой, Ю. Ю. Клычниковым, А. В. Казначеевым [Казначеев, 2005; Клычников, 2001; Малахова, 2001 и др.].

Нет сомнения в том, что каждый из народов имел собственную мотивацию сохранения российского подданства, но факт состоит в том, что к началу XX века российское государство окончательно сформировалось в качестве многонациональной империи, о чем свидетельствуют материалы всероссийской переписи населения 1897 года [Первая всеобщая ..., 1905, с. 1—60.]. В связи с этим уместно будет обратиться к вопросу об отношениях между государством и этническими меньшинствами с точки зрения международных критериев оценки колониальной политики великих держав. В этом смысле Россия отличалась от других государств тем, что на присоединенных территориях она не искала сырьевых источников для индустриального развития и рынков сбыта. К тому же все эти территории непосредственно примыкали к ее государственным границам. По данному вопросу К. Маркс указывал: «Англия вела жесточайшие колониальные войны против Афганистана, Китая, Индии, в Южной Африке и других местах, завоевав огромные пространства земли с населением

в 80 с лишним миллионов человек, причем в некоторых районах, как в Африке, коренные жители полностью истреблялись. Россия же, присоединив к себе ряд народов, ни один из них не лишила исторического будущего» [Коробейникова, 2007, с. 7, 39].

В советский период много писалось о колониальной политике западных государств, и в массовом сознании такие понятия, как «колонии», «колониализм», получали негативную оценку. Эта позиция экстраполировалась и на политику царизма на новых национальных территориях. В дореволюционное время отношение к «российским колониям» в самой России было совершенно иным, и термин нес совсем другую нагрузку. Российская колониальная политика характеризовалась такими особенностями, как невмешательство или крайне ограниченное вмешательство в образ жизни местных народов, в сложившиеся веками традиции, быт, верования и этнические ценности. В. И. Ленин при всем его негативном отношении к царизму очень осторожно подходил к употреблению термина *колонии* по отношению к присоединенным к Российской империи землям. В статье «Еще раз к вопросу о теории реализации» он писал, в частности, что «юг и юго-восток европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь» [Ленин, 1967, с. 86].

Обращаясь к статистической характеристике рассматриваемого вопроса, необходимо отметить, что на начало XX столетия в России насчитывалось 146 различных языков и наречий. Дело в том, что во время первой общероссийской переписи национальный состав определялся по родному языку. В то время это был объективный показатель, ибо этничность и родной язык были идентичны. Это же обстоятельство в определенной мере свидетельствует о том, что в самодержавной России никогда не принималось законов, ограничивавших права подданных в зависимости от национальной принадлежности, официально она даже не фиксировалась.

2. Особенности конфессионального состава населения России в конце XIX — начале XX веков

В самодержавной России долгое время проводилась достаточно взвешенная, сбалансированная политика в национальном вопросе, которая отличалась высоким уровнем толерантности, несмотря на то, что эта сфера находилась под сильным воздействием государственной религии [Шавлохова, 2008, с. 131—138]. Говоря о многонациональной структуре на-

селения, следует отметить его сложный конфессиональный состав. Православного христианства придерживалось 69,4 % всего населения. Они распределялись практически по всем европейским губерниям. Примерно половину населения православные составляли на Кавказе, включая армян, грузин, часть осетинского и некоторых других народов. Ко второй по численности конфессиональной группе относились мусульмане — 11,1 %. Основными местами их проживания являлись Средняя Азия, Поволжье, Крым и Кавказ. На третьей позиции находились католики, доля которых равнялась 9,1 %, расселенные в западных областях. Иудаизм исповедовали 4,2 % населения, латыши, немцы и финны относились к протестантской ветви христианства. В России имелись и представители других вероисповеданий, но их количество было незначительным, а культовая среда зачастую ограничивалась небольшой территорией [Первая всеобщая ..., 1905, с. 1—60].

На рубеже XIX—XX столетий национальная принадлежность граждан официально не фиксировалась, в связи с этим и данные о религиозных предпочтениях того времени весьма относительны. Тем не менее уровень религиозности и принадлежности к тому или иному вероисповеданию важен, так как в нем отражались приоритеты этнического самосознания. Одной из причин такого отношения власти к конфессиональной статистике являлась поддержка самодержавием доминирующего положения в российском обществе Русской православной церкви, несмотря на то, что все остальные религии в законодательном порядке также существовали легально. На уровне подзаконных актов имели место некоторые правовые ограничения в отношении мусульман. Им запрещалась пропагандистская деятельность в любой форме, в первую очередь та, которая была направлена на привлечение в неправославные конфессии новых прихожан. В целом конфессиональная политика империи, при всех ее издержках, отличалась гибкостью и толерантностью.

В то же время государственная религия в России на протяжении последних трех столетий расширяла свои позиции не только за счет естественного прироста славянского населения, но и посредством принудительного крещения представителей различных национальных групп и малых народов. При этом ни о какой осмысленной смене духовной ориентации не могло быть и речи. Выполняя указания высшей церковной власти, местное духовенство применяло разные ухищрения, чтобы увеличить количество новокрещенных. В этих целях чаще всего использовались подарки, обещания и т. п. В результате после совершения таинства крещения многие продолжали исповедовать свою прежнюю веру. Неод-

нократно фиксировались случаи, когда «магометане-туземцы совершали магометанские обряды над своими умершими родственниками, оставшимися в православии» [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 639, л. 2об.]. Такое положение дел не могло не сказаться на состоянии господствующей религии и авторитете церкви. В начале XX века существенно усилилась индифферентность православных верующих, что послужило одним из поводов для издания Указа от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости». С этих пор разрешался переход из православия в другие религии, за два последующих года число прихожан в православных приходах возросло почти на 34 тысячи человек, в то время как католиков в стране увеличилось более чем на 170 тысяч человек, мусульман — на 36 тысяч человек [Русское православие ..., 1989, с. 397—398].

Если же исходить из реального положения дел в начале XX века, то на территории России проживали еще этносы архаического типа, которые пребывали на уровне родоплеменных общностей, а практически все народы находились в донациональном состоянии. Опыт проживания в пределах одной империи со временем выработал у них традицию мирного сосуществования, однако российская история в этом смысле располагает не только позитивным опытом. Показательно, что наряду с Министерством внутренних дел в стране действовал департамент полиции, к ведению которого относился контроль не только над процессами в политической и общественной жизни, но и над межнациональными отношениями в различных регионах государства.

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в Российской империи к началу XX века сложилась практика выработки универсальных форм противодействия негативным тенденциям в жизни общества, которые имели надэтническую сущность. Опираясь на результаты анализа российской действительности в начале XX века, А. Каппелер сделал следующий вывод: «Россия была не национальным государством русских, династически-сословно легитимизированным многонациональным государством. Хотя в имперском патриотизме, который его объединял, имелись элементы, общие с русским этническим самосознанием (православие, общность истории и культуры), в нем все же превалировали наднациональные черты» [Каппелер, 1997, с. 198].

Российские власти вплоть до вступления в новое столетие практически не уделяли внимания процессам на национальных территориях, не придавали им того значения, которого они заслуживали. Это не говорит о том, что обстановка в регионах с этническим населением была спокойной и не требовала вмешательства. Напротив, если мотивы выступлений

крестьян славянского происхождения были очевидны и связывались, как правило, с неудовлетворенностью положением дел в хозяйственной сфере, то в среде малых народов истоки недовольства находились в плоскости социально-политических критериев оценки деятельности властей. Причем зачастую возмущение этнической среды носило латентный характер и открыто не проявлялось, что было связано прежде всего с морально-психологическими особенностями их жизнедеятельности и восприятием окружающей действительности. Народные движения в этнических регионах России приобрели актуализированные формы в начале XX века. На Кавказе отчасти они стали следствием ужесточения национальной политики самодержавия после окончания Кавказской войны.

Исторически сложилось так, что многие народы империи традиционно проживали рядом друг с другом и развивались в условиях взаимовлияния и взаимодействия. С течением времени места их обитания приобретали конкретные очертания и включались в общую административно-территориальную систему государства. В целом этот процесс проходил безболезненно на основе взаимного согласия, которое, однако, документально не фиксировалось.

3. Особенности Российской империи как многонационального государства

Вследствие того, что Российская империя складывалась за счет присоединения новых земель, территории с этническим населением большей частью располагались с внутренней стороны ее государственных границ. Длительное межнациональное общение, обусловленное соседством, а потом и расширявшимися экономическими связями, в определенной мере обеспечивало условия для самоидентификации народов, основой которой служили торговые и хозяйственные контакты. В ходе взаимодействия, естественно, возникала потребность в выделении отличительных особенностей и этнической самобытности. К сожалению, этот процесс распространялся не только в сторону усиления интеграционных тенденций. В силу неумного стремления к демонстрации своих преимуществ он формировал сначала критическое, а в некоторых случаях и враждебное отношение к представителям других этносов. Ученые по-разному объясняют этот феномен, одни говорят о повышенном уровне самооценки, другие о своеобразии выражения национальной гордости, третьи склоняются к тому, что агрессивные проявления по отношению к другим народам являлись попыткой переноса внутреннего напряжения на внешнюю среду [Ерасов, 1995, с. 87].

В условиях российской действительности начала XX века локальная напряженность в отношениях между различными народами в совокупности с кризисным состоянием всех сфер имперского общества, ослаблением самодержавной власти послужили фундаментом для зарождения массовых национально ориентированных движений. В советский период российской истории это объяснялось главным образом состоянием отношений между центральной властью и зависимыми народами, которые выразили свое недовольство национальной политикой царизма в форме организованного выступления в защиту своих прав и интересов. Современные исследователи связывают повышение уровня политической активности народов не только с недовольством властью. В. П. Булдаков, например, считает, что он напрямую зависел от ослабления государственности в империи. Этот фактор, по его мнению, осложнил отношения между различными народами и придал «всей системе старых связей многовекторное агрессивное качество» [Булдаков, 1997, с 140].

В этом смысле интерес представляют межнациональные конфликты, которые наблюдались чаще всего в местах компактного расселения нескольких народов. Многие из них возникали стихийно как на индивидуальном, так и на массовом уровне и на первый взгляд мало чем отличались от привычных коллизий. Их внешняя незначительность была обманчивой в том смысле, что в совокупности они создавали условия для масштабных эксцессов. В отдельных районах вспыхивали антирусские настроения, поводом для которых послужили некоторые ограничения прав местных властей, оскорблявшие национальные и религиозные чувства коренных народов [ГАРФ, ф. 102 ДП ОО 1912, д. 20, ч. 97, л. 50]. Такие случаи наглядно демонстрировали способность политических противоречий быстро перерастать в этническое противостояние, в ходе которого недовольство верховной властью переходило в неприязнь к целому народу.

С учетом такого поворота событий правительство вынуждено было пойти на некоторые уступки национальным регионам. В числе первоочередных мер стабилизации положения были признаны не политические и военные рычаги воздействия, хотя они также не исключались, а необходимость отвести должное место родным языкам, что, по мнению власти, должно было облегчить внедрение «обрусительных начал» в этническую среду [Национальная политика ..., 1997, с. 54—55]. Правда, с учетом накала социально-политической обстановки в стране элитные слои национальных меньшинств стремились использовать ситуацию с выгодой для своих народов, все больше и больше привлекая к акциям выражения недоволь-

ства выходцев из низших социальных кругов. Это подтверждается признанием жандармского руководства в том, что «обострение национальной вражды охватило не только интеллигентные круги, но и народные массы» [ГАРФ, ф. 102 ДП ОО 1915, д. 175, л. 106—106 об.].

Положение в рассматриваемой сфере усугубляло то обстоятельство, что для подавления волнений в одних национальных регионах самодержавие нередко направляло воинские подразделения, сформированные из представителей других этнических групп. Например, в начале декабря 1905 года против восставших крестьян в Прибалтике активно использовались специальные отряды черкесов, с помощью которых была проведена карательная операция по наведению порядка в ряде населенных пунктов [РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 2491, л. 120—121]. Это еще в большей степени влияло на рост антагонистических настроений во взаимоотношениях между отдельными народами, проживавшими на территории России.

Большое влияние на состояние и развитие отношений между народами российской империи оказала волна погромов, прокатившаяся практически по всей европейской части страны. Все началось в западных губерниях с притеснений в отношении еврейского населения, которые для защиты стали организовываться в кружки самообороны. Они вспыхивали, как правило, стихийно в самых разнообразных местах: на вокзалах, рынках и церковных площадях. Состав участников также не был однородным: рабочие, служащие, студенты, солдаты, торговцы и т. д. Нередко погромы заканчивались политические мероприятия: митинги и демонстрации. Постепенно погромное движение стало распространяться вглубь страны, в том числе и в южном направлении. Примечательно, что все действия погромщиков независимо от места их совершения сопровождались упреками в неблагодарности за «милости, дарованные Манифестом 17 октября...» или выкриками: «Это вам за “долгой самодержавие”» [Еврейские погромы ..., 1998, с. 169, 192]. В 1907 году погромное движение пошло на убыль, но еще долгое время оно будоражило не только еврейское, но и всё российское население.

4. Выводы

В настоящем важно показать действительное положение дел в сфере межнациональных отношений на Северном Кавказе в начале XX века. Оно было действительно непростым, но в то же время оно не дает оснований говорить о политике закабаления национальных меньшинств. Исторический опыт свидетельствует о том, что «своеобразие культур-

ного и исторического наследия народов, этнических групп необходимо не только сохранять и осваивать, но и умело это своеобразие переоценивать и активно использовать его различные элементы» [Дробижева, 1991, с. 48—54].

Источники

1. ГАРФ — *Государственный архив* Российской Федерации. Ф. 102 ДП ОО 1912. Д. 20. Ч. 97. Л. 50; Ф. 102 ДП ОО 1915. Д. 175. Л. 106—106об.
2. *Еврейские погромы* в Российской империи. 1900—1916 : сб. док — Москва, 1998. — С. 169, 192.
3. *Коробейникова Т. Ю.* Национализм в системе этносоциальных отношений / Т. Ю. Коробейникова. — Пятигорск : РИА-КМВ, 2007. — С. 7, 39.
4. *Ленин В. И.* Еще к вопросу о теории реализации / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — Москва : Издательство политической литературы, 1967. — Т. 4. — С. 86.
5. *Первая всеобщая перепись* населения Российской империи 1897 г. Вып. 6. Наличное население обоего пола по уездам и городам с указанием преобладающих вероисповеданий и сословий / под ред. Н. А. Тройницкого. — Санкт-Петербург : типография Общественная польза, 1905. — С. 1—60.
6. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 821. Оп. 133. Д. 639. Л. 2об., 67; Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2491. Л. 120—121.

Литература

1. *Булдаков В. П.* Красная смута : Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. — Москва : РОССПЭН, 1997. — С. 140
2. *Дегоев В. В.* Кавказ в составе России : формирование имперской идентичности (первая половина XIX века) / В. В. Дегоев // Кавказский сборник / под ред. Н. Ю. Силаева. — Т. 1 (33). — Москва : ИД Русская панорама, 2004. — С. 28—47.
3. *Дробижева Л. М.* Этническое самосознание русских в современных условиях : идеология и практика / Л. М. Дробижева // Советская этнография. — 1991. — № 1. — С. 48—54.
4. *Ерасов Б. С.* Этническое — национальное — цивилизационное в пространстве Евразии / Б. С. Ерасов // Цивилизации и культуры. Вып. 2. Россия и Восток : цивилизационные отношения. — Москва, 1995. — С. 87.
5. *Захарова Л. Г.* Россия и Кавказ : взгляд из XXI века / Л. Г. Захарова // Россия и Кавказ — сквозь два столетия : исторические чтения. — Санкт-Петербург : Звезда, 2001. — С. 30—36.
6. *Казначеев А. В.* Развитие северокавказской окраины России : 1864—1904 гг. : диссертация ... доктора исторических наук / А. В. Казначеев. — Пятигорск, 2005. — С. 24—35.
7. *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / А. Каппелер. — Москва : Прогресс-Традиция, 1997. — С. 198.

8. *Клычников Ю. Ю.* Российская политика на Северном Кавказе : 1827—1840 гг. : диссертация ... доктора исторических наук / Ю. Ю. Клычников. — Пятигорск, 2001. — С. 46—53.

9. *Котов В. И.* Межнациональные отношения на Северном Кавказе в 20—30-е годы / В. И. Котов // Труды Института российской истории РАН 1999—2000. Вып. 3 ; отв. ред. А. Н. Сахаров. — Москва : ИРИ РАН, 2002. — С. 210—239.

10. *Малахова Г. Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII—XIX вв. / Г. Н. Малахова. — Ростов-на-Дону : Издательство СКАГС, 2001. — С. 57—59.

11. *Национальная политика* в России : история и современность / сост. Н. И. Наумова. — Москва : Русский мир, 1997. — С. 54—55.

12. *Русское православие* : веки истории / науч. ред. А. И. Клибанов. — Москва : Издательство политической литературы, 1989. — С. 397—398.

13. *Шавлохова Е. С.* Проблема независимости в контексте теоретического осмысления понятия «национальное государство» / Е. С. Шавлохова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 81. — С. 131—138.

Interethnic Relations in Russia at the End of the 19th — the Beginning of the 20th Century¹

© **Shavlokhova Elena Sergeyevna (2017)**, Doctor of History, professor, vice-rector for science, Academy of Marketing and Socially-Information Technologies (Krasnodar, Russia), 520637@mail.ru.

The question is raised on interethnic relations in the late 19th — early 20th century in Russia, especially in the ethnic environment of the North Caucasus. It is noted that Russia differed from other countries by the fact that in the new territories it was not looking for sources of raw materials for industrial development and markets. The measures are shown to resolve the conflicts that have inevitably arisen in the areas of compact settlement of several nations. The relevance of the study is determined by the task to provide a reliable and efficient management of the country, occupying a vast territory with a diverse population. Scientific novelty consists in increasing the level of scientific and theoretical understanding of the goals, means and mechanisms of functioning of the Russian system of state management of national regions. The conception of development of the Russian state system of management of small peoples is formulated. This conception is based on well-documented hypothesis that the functioning of the means and mechanisms of influence on the situation in the outlying areas of the state gradually

---

1 The article is financially supported by RFBR within the project “The accession of Ossetia to Russia as the process of integrating the peoples of the North Caucasus in the legal and administrative system of Russia (the end of 18th — early 19th centuries)”, project No. 16-11-23014.

transformed into a policy of strengthening of positions of power in the national regions. The author believes that it is important to show the real situation in the sphere of interethnic relations in the North Caucasus in this period.

Key words: ethnic palette; international relations; Russia; North Caucasus; ethnic composition.

Material resources

- GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii*. (In Russ.).
- Evreyskiye pogromy v Rossiyskoy imperii. 1900—1916*. 1998. Moskva. 169, 192. (In Russ.).
- Korobeynikova, T. Yu. 2007. *Natsionalizm v sisteme etnosotsialnykh otnosheniy*. Pyatigorsk: RIA-KMV. 7, 39. (In Russ.).
- Lenin, V. I. 1967. Eshche k voprosu o teorii realizatsii. In: *Polnoye sobraniye sochineniy*. Moskva: Izdatelstvo politicheskoy literatury. 4: 86. (In Russ.).
- Troynitskiy, N. A. (ed.). 1905. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. Vyp. 6. Nalichnoye naseleniye oboyego pola po uyezdam i gorodam s ukazaniyem preobladayushchikh veroispovedaniy i sosloviy*. Sankt-Peterburg: tipografiya Obshchestvennaya polza. 1—60. (In Russ.).
- RGIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv*. (In Russ.).

References

- Buldakov, V. P. 1997. *Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya*. Moskva: ROSSPEN. 140. (In Russ.).
- Degoyev, V. V. 2004. Kavkaz v sostave Rossii: formirovaniye imperskoy identichnosti (pervaya polovina XIX veka). In: Silaev, N. Yu. (ed.). *Kavkazskiy sbornik*. Moskva: Russkaya panorama. 1 (33): 28—47. (In Russ.).
- Drobizheva, L. M. 1991. Etnicheskoye samosoznaniye russkikh v sovremennykh usloviyakh: ideologiya i praktika. *Sovetskaya etnografiya*, 1: 48—54. (In Russ.).
- Erasov, B. S. 1995. Etnicheskoye — natsionalnoye — tsivilizatsionnoye v prostranstve Evrazii. In: *Tsivilizatsii i kultury. Vyp. 2. Rossiya i Vostok: tsivilizatsionnyye otnosheniya*. Moskva. 87. (In Russ.).
- Kappeler, A. 1997. *Rossiya — mnogonatsionalnaya imperiya. Vozniknoveniye. Istoriya. Raspad*. Moskva: Progress-Traditsiya. 198. (In Russ.).
- Kaznacheyev, A. V. 2005. *Razvitiye severokavkazskoy okrainy Rossii: 1864—1904 gg.: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk*. Pyatigorsk. 24—35. (In Russ.).
- Klibanov, A. I. 1989. *Russkoye pravoslaviye: vekhi istorii*. Moskva: Izdatelstvo politicheskoy literatury. 397—398. (In Russ.).
- Klychnikov, Yu. Yu. 2001. *Rossiyskaya politika na Severnom Kavkaze: 1827—1840 gg.: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk*. Pyatigorsk, 2001. 46—53. (In Russ.).
- Kotov, V. I. 2002. Mezhnatsionalnyye otnosheniya na Severnom Kavkaze v 20—30-e gody. In: *Sakharov, A. N. (ed.). Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN 1999—2000. Vyp. 3*. Moskva: IRI RAN. 3: 210—239. (In Russ.).

- Malakhova, G. N. 2001. *Stanovleniye i razvitiye rossiyskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v kontse XVIII—XIX vv.* Rostov-na-Donu: Izdatelstvo SKAGS. 57—59. (In Russ.).
- Naumova, N. I. (ed.). 1997. *Natsionalnaya politika v Rossii: istoriya i sovremennost.* Moskva: Russkiy mir. 54—55. (In Russ.).
- Shavlokhova, E. S. 2008. Problema nezavisimosti v kontekste teoreticheskogo osmysleniya ponyatiya «natsionalnoye gosudarstvo». *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 81: 131—138. (In Russ.).
- Zakharova, L. G. 2001. Rossiya i Kavkaz: vzglyad iz XXI veka. In: *Rossiya i Kavkaz — skvoz' dva stoletiya. Istoricheskiye chteniya.* Sankt-Peterburg: Zvezda. 30—36. (In Russ.).